

В СВЕТЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПРОЖЕКТОРА, ИЛИ О ГРАНИЦАХ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ

З. А. Харитончик, В. В. Тур

*Минский государственный лингвистический университет,
ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск, Беларусь, zkharitonchik@mail.ru,
vitaly.tur@gmail.com*

Употребление имен в разных контекстах свидетельствует о широком диапазоне обыденных и научных знаний, знаний о культурных нормах и ценностях общества и т. д., лежащем в основе их содержания, диктующем широту семантических и прагматических компонентов значения лексических единиц и, соответственно, размытость его границ. В основе семантической гибкости лексических единиц и способности актуализации в бесконечности коммуникативных ситуаций их богатого семантического потенциала лежит «ментальный прожектор», позволяющий выхватывать из памяти разные участки, а также все новые конфигурации знания, заключенного в концептуальных структурах носителей языка. Для выявления этого знания наряду с контекстуальным анализом и психолингвистическим экспериментом может быть полезным также исследование семантики производных единиц – вторичных значений и дериватов, в ходе которого «высвечиваются» скрытые семантические компоненты их исходных баз.

Ключевые слова: значение; употребление; дефиниция; знание; концептуальная структура; контекст; скрытый (латентный) семантический компонент.

В последнее время все большую популярность приобретает взгляд на значение как на динамичную многоэлементную структуру, богатство которой детерминируется знаниями, хранящимися в соответствующей концептуальной структуре, или ментальной модели, конструирование которой «запускается» значением лексической единицы [1, с. 111–114]. Это означает отход от статической интерпретации значений как «вещей, или вещеподобных сущностей, предварительно упакованных кусков информации, которые содержатся и переносятся в словесных мешках» (перевод наш – З. Х.) [2, с. 137] и отказ от распространённых в лингвистической литературе метафор, используемых для определения роли языка по отношению к миру психики, в виде следующих утверждений: значение «дает доступ» к концептуальной структуре и «...открывает поэтому определенный вид нашего знания мира, представленного концептом, профилируемым словом» [3, с. 30]; значение есть лишь «своеобразное окно, которое позволяет прямое

изучение концептуальной структуры» [4, с. 54]; значение открывает мир нашей психики и выступает в некоторой редуцированной форме его определенным репрезентантом [5, с. 12] и др. Фиксируя определенное понимание соотношения семантики лексических единиц и концептов на некотором этапе нашего знания, данные метафоры, на наш взгляд, сыграли значимую роль в признании того, что «лексические единицы не могут быть просто приравнены к концептам» [6, с. 194], и, соответственно, привели к отрицанию тождества значения и концептов. Однако с этим видением соотношения значения и концептов связано, как указывалось нами ранее [7], и предположение о неполноте раскрываемой с помощью языка концептуальной структуры как следствии естественной ограниченности панорамы, открывающейся из окна, ее потенциальной стабильности и неизменности, проистекающей из возможного постоянства и застывшего характера открываемого в окно вида. Прав, по нашему мнению, Д. Геерартс, который, следуя процедуральному, или процессуальному, подходу [2, с. 137], предлагает видеть в значении лексической единицы прожектор с огромным диапазоном действия [2, с. 137], признавая одновременно и некоторые ограничения свободы действия значения прожектора.

Предлагаемая ниже работа направлена на раскрытие объективируемого содержания лексических единиц в разных видах его описания: метаязыковой деятельности «наивных лингвистов» – носителей языка и профессиональной деятельности лексикографов, выявлении семантического потенциала лексических единиц с помощью разных методических приемов. Рассмотрение того, что становится объективируемым в описаниях значения, несомненно, будет способствовать решению первоочередной задачи в лингвистике – выявлению семантического потенциала лексических единиц, содержательных характеристик и границ значения, определению его источников и разработке методов анализа.

Уже на самых ранних этапах существования общества осознание необходимости объективации значения для разных социально-коммуникативных потребностей: обеспечения успешной коммуникации, индивидуальных и общественных нужд обучения как родному, так и иностранным языкам и т. д. – вызвало к жизни разные практики описания семантических свойств лексических единиц. Наивные попытки экспликации значения под давлением коммуникативной необходимо-

сти объяснить слушателю смысл употребленного слова со всей очевидностью проявляются в **метаязыковой деятельности** самих носителей языка. Вот, например, услышанный нами разговор матери со своим пятилетним сыном, который спрашивает о значении слова *издеваться*. Мать объясняет значение данного слова через ситуацию, говоря следующее: *«Ты иногда ведешь себя плохо. Папа говорит тебе, что так вести себя нельзя. Но ты все равно поступаешь по-прежнему. Ты издеваешься над ним»*. Это объяснение, может быть, не самое точное и не претендующее на всестороннее описание лексического значения данного слова, все же определенным образом отвечает на коммуникативные потребности в описываемой ситуации и достаточно близко тому, как описывается семантика данного слова в словаре: *«Вести себя по отношению к кому-н. грубо и жестоко, оскорбляя, унижая, мучая [8]; «Дурно, грубо обращаться с кем-л.» [9]*. Используя в соответствующих ситуациях разные приемы, говорящие разъясняют значения лексических единиц, которые, по их мнению, могут быть непонятны слушателям. См., например, контексты из Национального корпуса русского языка, приводимые ниже:

В Арктике ... живут и северные олени. Их пасут пастухи. Они выбирают самые лучшие пастбища, где много ягеля – это такой мох, который олени очень любят есть (А. Членов «Как Алешка жил на Севере»);

Мне еще надо было запастись меховым платьем и обувью: на Лене могли застать морозы. ... «Всего лучше купить вам борловую доху, – заговорил четвертый, – тогда вам ровно ничего не надо». – «Что это такое борловая доха?» – спросил я. – «Это шкура с дикого козла, пушистая, теплая, мягкая: в ней никакой мороз не проберет» (И. А. Гончаров «Фрегат Паллада»);

– Это не очень правильные слова. Их даже в словаре нет, – неуверенно пояснила Бемби. И, спохватившись, добавила: «Словарь – это такая книга, в которую все-все слова вписаны» (Ю. Лаврышина «Улитка в тарелке» [10].

Сегодня мы имеем прекрасную возможность, во-первых, подвергнуть анализу результаты экспериментов, специально организованных с целью выявления закономерностей метаязыковой деятельности носителей языка (например, [11]), в которых обобщаются около 150 тысяч реакций приблизительно 4000 испытуемых разных социальных групп и возрастов.

С другой стороны, популярными стали краудсорсинговые, или интерактивные, словари, из которых одним из наиболее интересных является *Urban Dictionary* для английского языка. Это онлайн-словарь слов и фраз преимущественно англоязычного сленга, в котором, однако, представлены описания и обыденных слов типа *dog* 'собака', *table* 'стол', *dress* 'платье', *ball* 'мяч' и др. Данный словарь содержит многомиллионный реестр словарных определений, предложенных и оцениваемых посетителями сайта – простыми носителями языка. Участие в нем может принять любой говорящий на английском языке, и не случайно, что его слоган – «*Urban Dictionary – это словарь, написанный тобой*». Разброс предлагаемых дефиниций может быть, судя по приводимым в словаре данным, достаточно широким и достигать до 1000 и более определений. Так, для слова *cup* в его основном значении – это : 1) *a cup is also known to most in terms of drinking; it holds the liquid*; 2) *a container, usually cylinder-shaped, that is used to hold liquids so as to make it easier to drink them*; 3) *a storage container made for liquid that is most likely consumed by a human being or an animal*; 4) *a tiny bowl used to hold liquids*; 5) *a cup, usually made from porcelain is a drinking receptacle, usually used for hot drinks such as tea or coffee because unlike glass it does not break when heated by hot liquids* и т. д. [12].

Под давлением социальных потребностей в экспликации значений лексических единиц сформировалась и **профессиональная лексикографическая практика**, которая в результате тысячелетней работы демонстрирует значительный прогресс в понимании принципов создания лексикографического портрета, трактуемого как «исчерпывающая и неизбыточная характеристика всех лингвистически существенных свойств данной лексемы» [13, с. 391], с одной стороны, а также значимые шаги по унификации словарных дефиниций как отражения семантических связей и семантической близости лексических единиц (одного поля, одного типа и т. д.), объединяющих их в целостную и хорошо организованную систему.

Несомненные успехи лексикографической практики связаны, на наш взгляд, с тем, что в ее основе лежат **когнитивные принципы**, среди которых наиболее важными нам представляются следующие:

1) учет **прототипических эффектов** в лексической структуре: использование таких слов, как *особенно*, *например*, *типично*, *обычно*, *часто* позволяет ввести в толкование признаки, которые являются для категории не общими, но типичными;

2) **диффузность** границ значений полисеманта: использование в дефиниции неприемлемого с точки зрения классической теории союза *или*, а также открытых перечислений (*и т.д.*); «размывание» дефиниции за счет обращения к синонимическим средствам языка;

3) **кластерная природа** полисемии: способы преодоления проблемы линейности дефиниций и построение многомерных дефиниций;

4) учет взаимодействия в семантике многозначного слова двух аспектов значения – того, что «запоминается», и того, что «конструируется» [14, с. 5–6] – в словаре это находит отражение в **совмещении** (пусть и не всегда последовательном) перечня готовых толкований с правилами преобразования смыслов;

5) **«дискретность vs. градуальность»**: общий как для лексикографии, так и для теории языка поиск решений относительно установления границ между значениями, определения типов границ и степени дискретности значений (значения, подзначения, оттенки значения и т. д.) (см. подробнее [15]). Можно надеяться, что успехи профессиональной лексикографии станут еще более впечатляющими благодаря широким возможностям, открывшимся в связи с возникновением корпусов и электронной лексикографии.

Тем не менее, несмотря на значительные успехи, перед лексикографами все так же стоят извечные проблемы лексикографического описания словесных единиц. Главные из них заключаются в необходимости преодолеть противоречия между индивидуальным и социальным знанием, между языковым и энциклопедическим описанием, между релевантными характеристиками и исчерпывающей информацией, включающей самые разные, не идентичные по своей значимости сведения об обозначаемом классе объектов, явлений, отношений, нивелировать влияние ряда других факторов (парадоксы словарной статьи, описанные Н. Ю. Шведовой (например, объем словарной статьи и объем описания, линейность описания и нелинейность семантической структуры и др.).

Решая их, из всего круга знаний об описываемом объекте, имеющих в тот или иной момент существования общества, лексикографы ведут отбор определенных свойств, необходимых, на их взгляд, и достаточных для определения значения. Не приводя примеров (они многочисленны и хорошо известны из работ, в которых проводится сравнение дефиниций слов в разных толковых словарях русского, английского и других языков [16, 17, 18]), подчеркнем, во-первых, бли-

зость к профессиональным определениям, предлагаемых носителями языка (ср., например, словарные (данные ниже под номером 1) и наивные (под номером 2) определения юридического термина закон: 1.1 *Юридический акт*, 1.2 *принятый высшим представительным органом государственной власти*, 1.3 *либо непосредственным волеизъявлением народа (в порядке референдума)*, 1.4 *регулирующий важные общественные отношения*; 2. *Нормативные правовые акты в целом*, 2.1 *набор правил и норм (32)*, 2.2 *установленных государством (9)*, 2.2 *их нельзя нарушать (14)*, 2.3 *нарушение наказуемо (4)*, 2.4. *Рамки, из которых нельзя выходить (3)*, 2.5. *Социальная сеть юристов (1)* [19].

Свидетельствуя об общих закономерностях поиска существенных характеристик обозначаемого класса объектов как профессиональными, так и наивными лексикографами, дефиниции, приводимые в авторитетных лексикографических источниках и в наивной лексикографии, не менее убедительно раскрывают вариативность в решении одной и той же задачи. В целом можно говорить о четырех выявленных типах несоответствий семантических описаний в разных словарях: 1) взаимозаменяемости имплицитующих друг друга дифференциальных признаков (например, в словаре *Cambridge English Dictionary* слову *stocking* ‘чулок’ в дефиниции приписывается признак *thin* ‘тонкий’ [20], в то время, как в *Collins Online Dictionary* данный признак не эксплицируется, зато называется материал изготовления (чего нет в первом словаре): *usually made of nylon or silk* ‘обычно изготавливается из нейлона или шелка’) [21]; 2) несовпадении информационной насыщенности одного и того же участка семантики (ср., например: *Nunchuk* ‘нунчаки’ – *consisting of two sticks linked loosely with a chain or fine rope* ‘состоят из двух стержней, соединенных короткой цепочкой или тонким шнуром’ [21], но *consisting of two foot-long hardwood sticks joined by a chain or thick cord that stretches to body width* ‘состоят из двух стержней длиной фут, из твердых пород дерева, соединенных цепочкой или толстым подвесом, растягивающимся на ширину тела’ [22]); 3) вариативности эксплицированных категориальных признаков (ср., например: *Blouse* ‘блузка’ – 1) *a kind of shirt worn by a girl or woman* ‘вид рубашки для женщин’ [21] ≠ 2) *a piece of clothing like a shirt that women wear* ‘предмет одежды для женщин, похожий на рубашку’ [20] ≠ 3) *a usually lightweight, loose-fitting garment for women...* ‘обычно легкий, свободный предмет одежды для женщин...’ [22], где в первом случае блузка включается в категорию рубашек как подвид,

а во втором категория блузок лишь сравнивается с семантически близкой категорией рубашек, но между ними устанавливается граница (*like a shirt* ‘как рубашка’), а в третьем случае связь с рубашкой оказывается для конструирования дефиниции вообще нерелевантной); 4) дроблении одного и того же участка семантики на разное количество значений и их оттенков (см. подробнее [23]).

Характер вариативности семантических описаний от словаря к словарю при толковании одних и тех же слов позволяет сделать вывод о том, что в основе данной вариативности лежит не решение лексикографа по поводу значимости каждого признака в отдельности, а **выбор определенной целостной теории (когнитивной модели)**, которая, по его мнению, наиболее соответствует представлениям носителей языка о семантике определяемого слова. Свобода этого выбора может привести к несовпадению идеализированной когнитивной модели, в соответствии с которой репрезентируется одно и то же обозначаемое. Ср., например, разные дефиниции английского слова *slipper* ‘тапок’ – *a comfortable shoe that you wear in the house* ‘удобная обувь, которую носят дома’ [20] (функциональная модель); *a light low-cut shoe that is easily slipped on the foot* ‘легкая обувь с широким отверстием для ног, которая легко надевается на ногу’ [21] (конструктивная модель).

Соответственно, невозможно представить значение в виде единственно верного набора признаков, поскольку структура и границы семантического описания зависят от выбранной говорящим стратегии представления значения – т. е., отметим еще раз, от выбранной идеализированной когнитивной модели или наивной теории о мире, которая в свою очередь определяет структуру эксплицируемых признаков, а также границы между описываемым значением и близкими по смыслу семантическими категориями.

Более того, очевидным становится следующее, а именно: заключение, сделанное еще в 1984 г. А. М. Кузнецовым о том, что «семантика слов в том виде, как она представлена даже в самых больших толковых словарях, это еще не вся лексическая семантика» [24, с. 162], не потеряло своей актуальности и сегодня. Ответить на вызовы современной лексической семантики, вытекающие из неполноты лексикографических описаний значений лексических единиц, должно новое направление семантического анализа, главной целью которого является проникновение в глубины, по образному выражению Е. С. Кубряковой, «семантического айсберга» и раскрытие всего семантического

потенциала лексической единицы. Важнейший его ориентир – продолжение начатого еще в 70-е гг. XX в. (см. работы С. Д. Кацнельсона [25] или исследования, выполненные в семантической школе Р. С. Гинзбург на кафедре лексикологии и стилистики английского языка МГЛУ) поиска скрытых, или латентных, так называемых «спящих» компонентов значения, не зафиксированных в его лексикографических описаниях и ожидающих подходящей коммуникативной ситуации для своей актуализации.

Прежде чем перейти к описанию методов решения данной задачи, необходимо подчеркнуть принципиальное отличие ее от задач и направленности лексикографического описания, главная цель которого – дать пользователям словаря некоторый ориентир в распознавании значения той или иной единицы в виде всего лишь некоторой подсказки, благодаря которой пользователь, опираясь на свое знание мира, сумеет правильно декодировать смысл искомой единицы. В соответствии с этим перед семасиологом встают иные, по сравнению с лексикографом, задачи, он вынужден решать иные проблемы, среди которых, по-видимому, главной будет соотношение социально значимого и индивидуального знания. В итоге результатом описания станет не обычный словарь, а активный концептуальный лексикографический источник, вероятно, типа словаря А. Вежбицкой [26], но построенный в отличие от указанного словаря на результатах коллективной практики.

Плодотворными методами в решении данной задачи, несомненно, являются контекстуальный анализ в соединении с психолингвистическим экспериментом, а также анализом дериватов, включающим как семантический анализ вторичных значений, так и контекстуальный анализ производных слов.

Поскольку контекстуальный анализ, равно как и психолингвистический эксперимент, – давно устоявшиеся и общепринятые процедуры, остановимся лишь на некоторых примерах анализа дериватов, позволяющих выявить семантические компоненты в значениях их исходных слов. Убедительным примером того, как обращение к вторичным значениям слова дает интересный результат, может послужить анализ семантики слова *крокодил* в русском языке Б. Ю. Норманом [27]. Актуализация в производных значениях данного слова потенциальных сем ‘злой’, ‘жадный’, ‘опасный’, ‘некрасивый’, ‘длинный’ и др. значительно расширяет предлагаемые лексикографами словарные описания и, что важно, выявляя основания для метафорических и метонимиче-

ских переносов, приоткрывает завесу когнитивной структуры, в которой хранятся знания о данном животном. Результативным методом выявления скрытых, латентных признаков является также обращение к деривационному наследию лексической единицы и функционированию дериватов – производных слов, в которых актуализируются те или иные семантические признаки их производящих баз. Опыт его применения позволил выявить, например, всю гамму латентных признаков, не фиксируемых в значениях производящих баз, но «видимых» в семантике производных слов и релевантных для успешного их конструирования. См., например, описание значения слова *кошка* на основе анализа производного *кошачий* [28], компаративных дериватов [29] и других лексических единиц.

Таким образом, экспликация латентных компонентов значений лексических единиц становится еще одним убедительным доказательством того, что коммуниканты в процессе общения ориентируются на знание, заключенное в их концептуальных структурах. «Ментальный прожектор», позволяющий выхватывать из памяти разные участки, а также все новые конфигурации этого знания, лежит в основе семантической гибкости лексических единиц и их широкого семантического потенциала, реализуемого в бесконечности коммуникативных ситуаций, в которых релевантность тех или иных признаков может зависеть от выбора говорящего (ср.: *сауна – это такая, Володечка, странная баня, где не моются, а сидят в жаре, а в бане моются* (А. Слаповский «Победительница») [10]), но *сауна – это такая финская баня, там сухой жар до 120°C!* (В. А. Киршин «Частная жизнь») [10]), а также от его индивидуального опыта (ср.: *Бумеранг – это такая изогнутая, смешная деревяшка, которую в цирке на Монмартре бросали какие-то черные дикари, маленькие, голые, ловкие и мускулистые человечки* (А. И. Куприн, «В цирке») [10]).

Являясь производным от концептуальной структуры, значение лексической единицы представляет собой своеобразную открытую динамическую систему, в которой сосуществуют ядро, формируемое социально значимым и укоренным знанием об обозначаемом, и около-ядерные зоны, детерминирующие диффузность значения и размытость его границ.

Библиографические ссылки

1. Harder P. Meaning in Society: Concepts and Discourses in a Social Cognitive Linguistics // Когнитивные исследования языка. Выпуск VI. Между-

народный конгресс по когнитивной лингвистике. Сборник материалов. Тамбов : ТГУ. 2010. С. 111–114.

2. Geeraerts D. Words and Other Wonders: Papers on Lexical and Semantic Topics. Berlin New York : Mouton de Gruyter, 2006.

3. Croft W., Cruse D. A. Cognitive Linguistics. New York : Cambridge University Press, 2004.

4. Evans V., Green M. Cognitive Linguistics: An Introduction. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2006.

5. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М : Языки славянской культуры, 2004.

6. Keil F. C. Explanation, association and the acquisition of word meaning // The Acquisition of the Lexicon, Ed. by L. Gleitman, and B. Landau. MIT Press, 1996. P. 169–196.

7. Харитончик З. А. «Спящие» компоненты семантики лексических единиц // Семантика и прагматика языковых единиц. Доклады Международной научной конференции, Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского, г. Калуга, 20–22 сентября 2019 г. / редкол. А. Н. Еремин (отв. ред.). Калуга : КГУ им. К. Э. Циолковского, 2019. С. 286–299.

8. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений : в 6 т. / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова ; под общей ред. Н. Ю. Шведовой. М. : Азбуковник, 1998.

9. Словарь русского языка : в 4-х т / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М. : Русский язык, 1981–1984.

10. Национальный корпус русского языка [Electronic resource]. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (Date of access: 6.11.2021).

11. Басалаева М. Ю., Воробьева М. Е., Голев Н. Д. Словарь обыденных толкований русских слов. Лексика природы : словарь. Том 1. А–М / под ред. Н. Д. Голева. Кемерово : Кемеровский государственный университет, 2012.

12. Urban Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://www.urbandictionary.com/> (Date of access: 6.11.2021).

13. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Интегральное описание языка и системная лексикография. М. : Школа «Языки русской культуры», 1995.

14. Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Полисемия служебных слов: предложения через и сквозь // Русистика сегодня. 1996. № 3. С. 1–17.

15. Тур В. В. Когнитивные принципы лексикографического описания семантики слова // Вып. XXXVIII: Языки, культуры, модальности: Интеграция методов когнитивных исследований языка : материалы Круглого стола. Московский государственный лингвистический университет. 1 ноября 2019 года / гл. ред. вып. О. К. Ирисханова. Тамбов : Издательский дом «Державинский», 2019. С. 74–81.

16. Харитончик З. А. Изменчивость и вариативность лексикографического дискурса // 70 Години България Академична Лексикография : материалы VI нац. конф. с междунар. участием по лексикографии и лексикологии, София, 24–25 окт. 2012 г. / Ин-т бълг. яз. при БАН : редкол.: Л. Крумова-Цветкова [и др.]. София, 2013. С. 81–88.

17. Бубнова И.А. Структура субъективного значения слова (психолингвистический аспект) : автореф. дис. ... д-ра наук : 10.02.19 / ИЯ РАН. М., 2008.

18. Будникова Е. И. Значимость семантических компонентов в структуре лексического значения (на материале имен существительных современного английского языка) : автореф. дис. ... канд. наук : 10.02.04 / Минский гос. лингвистич. ун-т. Минск, 2016.

19. Воробьева М. Е. Интерпретационное функционирование юридического языка в обыденном сознании : автореф. дис. ... канд. наук : 10.02.01 / Кемеровский гос. ун-т. Кемерово, 2014.

20. Cambridge Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (Date of access: 6.11.2021).

21. Collins Online English Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/> (Date of access: 6.11.2021).

22. Dictionary.com [Electronic resource]. URL: <https://www.dictionary.com/> (Date of access: 6.11.2021).

23. Тур В. В. Вариативность лексикографических дефиниций как отражение динамичной природы лексического значения // Журнал Белорусского государственного университета. Филология. 2021. № 1. С. 87–96.

24. Кузнецов А. М. Объективные знания об окружающем мире и их отражение в лексике и лексикографии // Слово в грамматике и словаре. М. : Наука, 1984. С. 159–164.

25. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л. : Наука, 1972.

26. Wierzbicka Anna. *Lexicography and Conceptual Analysis*. Ann Arbor : Karoma Publishers, 1985.

27. Норман Б. Ю. *Крокодил* в русском языке, сознании и культуре (в печати).

28. Харитончик З. А. Семантика и прагматика слова в зеркале деривационных процессов // Slavische Wortbildung im Vergleich. Theoretische und pragmatische Aspekte / hrsg. von S. Mengel. Berlin : LIT-Verlag Dr. W. Hopf, 2014. Slavica Varia Halensia. Bd. 12. S. 17–33.

29. Харитончик Зинаида. Семантический потенциал производных компаративного типа сквозь призму их контекстуального окружения / Słowotwórstwo w przestrzeni komunikacyjnej [Word Formation in the Communicative Space], red./ed. Paweł Kowalski, Instytut Slawistyki Polskiej Akademii Nauk, Warszawa 2021. S. 127–143.